

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

Казань

УДК 340(082)

ББК 67

А43

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

М. Н. Ахметова, Э. А. Бердиев, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Исакаков, И. Б. Кайгородов, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, А. Н. Кошербаева, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Е. В. Матвиенко, Т. В. Матроскина, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Д. Н. Султанова, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), Д. Б. Досманбетов (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Р. М. Исакаков (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колтак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова, Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Актуальные вопросы юридических наук : материалы VI Междунар. науч. конф. А43 (г. Казань, декабрь 2021 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2021. — iv, 50 с.

ISBN 978-5-6047275-8-4.

В сборнике представлены материалы VI Международной научной конференции «Актуальные вопросы юридических наук».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340(082)

ББК 67

ISBN 978-5-6047275-8-4

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ)
ПРАВО**Turdiiev K.U., Minbaev S.A.**

Institution of delegated legislation as a form of legislative and governmental cooperation in state governance system 1

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Афанасьева Н.К.

Возмещение убытков как форма гражданско-правовой ответственности. . 6

Беспалова М.В.

Цифровые права и электронные денежные средства как предмет договора займа 11

Игошин С.Е.

Условия применения зачета в обязательствах 16

Кашка Д.А.

Медиация и коррупция. Сестры или противницы?..... 20

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Горожанкина М.А., Жукова А.Д.

Проблемы подбора, оценки и приема работников на работу в организации 30

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Барехова Е.С., Пикин И.В.

Заведомо ложные показания как преступление против правосудия:
актуальные проблемы квалификации. 36

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Хариков С.В.

Современные тенденции в конституционно-правовой политике защиты
интеллектуальной собственности за рубежом 40

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Institution of delegated legislation as a form of legislative and governmental cooperation in state governance system

Turdiyev Khayitjon Usmonkul ugli, PhD in law, the acting associate professor
Tashkent state university of law

Minbaev Sovetbek Ablazovich, PhD in law, head of department
Osh State University (Kyrgyzstan)

This article analyzes the most widely used institution in foreign countries — the delegated legislation. Delegated legislation is manifested in the issuance of normative legal acts by these bodies as a result of the transfer of legislative powers by the parliament to the government or another state body. The peculiarities of the application of this institute are analyzed by highlighting the scientific literature.

Keywords: parliament, government, lawmaking, delegated legislation, parliamentary oversight.

One of the most widely used institutions in foreign countries today in dealing with government documents is the delegated Legislation [1]. As a result of the transfer of legislative powers by the parliament to the government or another state body, it is reflected in the issuance of normative legal acts by these bodies that have the force of law. As a rule, the division of delegated legislation often falls on the government. In the future, in connection with the development of parliamentarism, it is possible to study in depth the introduction of this institution in national legislation, using the best practices of foreign countries.

Delegated (also known as subordinate) legislation is legislation made not directly by an Act of the Parliament, but under the authority of an Act of the Parliament. Parliament has regularly and extensively delegated to the Executive Government limited power to make certain regulations under Acts [2]. Its essence is that it is a form of law-making, the adoption of acts equal to the force of law by the head of state or the executive branch on the basis of special powers granted by the legislature. This

means that as a result of the transfer of legislative powers by the parliament to the government or another state body, it is manifested in the issuance of normative legal acts by these bodies.

Today, the institute is used in one form or another in the United States, Germany, Great Britain, Sweden, Mexico, France, Portugal, Spain and Italy. As a rule, the division of delegated legislation often falls on the government. In some countries, the constitutions of Spain (Part 3 of Article 82) and France (Article 38) are the only body to which the legislative power of government is delegated.

The legal literature shows that there are three approaches to the pros and cons of competent legislation. The content of the first approach is that, according to it, the subordinate legislation disturbs the balance of the legislative and executive system in the system of separation of powers [3, p. 12]. The representative of the second approach S. Bobotov recognizes the positive role of the delegated legislation in the life of the state and society [4, p. 26]. According to L. Friedman, the representative of the third approach, without denying the important institution of competent legislation, it is necessary to use judicial or other effective methods of control to eliminate its negative aspects [5, p. 26.]. (for instance in United Kingdom Judicial control of delegated legislation is exercised through judicial review. Delegated legislation can be quashed by a court if it is found to be *ultra vires* (outside the parameters defined in the parent Act). There are two types of *ultra vires*. In «substantive *ultra vires*», delegated legislation is deemed void because it goes beyond the powers defined in the parent Act. In «procedural *ultra vires*», delegated legislation is deemed void because of some procedural deficiency. A court may also quash delegated legislation on the basis of unreasonableness it is also made by judges [6, pp. 3–4.]

The practice of constitutional law in foreign countries shows that the executive branch is not limited to the implementation of laws. In the performance of many functions of the state, the government is the most active subject of a single legislative process. In many countries, the institution of delegated legislation is developing because the legislative process of parliament takes a long time.

Through its inherent flexibility, delegated legislation accommodates changing circumstances such as changing fees for public services, developments in science or minor changes in government policy. Delegated legislation, allows the rapid drafting of emergency powers. In comparison to Acts of Parliament, which may take much time to pass, the flexibility of delegated legislation can be used to solve problems of governance in a timely way.

delegated legislation is already widely used in countries such as Germany, Great Britain, Sweden, France, Spain, Italy, Mexico, Portugal. For example, according to

Article 79 of the Italian Constitution, subordinate legislation can also be delegated by parliament to the President in matters of amnesty and pardon [7]. At the end of the twentieth century many countries adopted new Constitutions, which established a new system and introduced new institutions, including provisions on delegated legislation. In the constitutions of Croatia, Moldova, Kazakhstan and Romania this institution was introduced for the first time.

According to T. A. Vasileva, the right of competent legislation of government arises firstly, on the instructions of the parliament on matters within the competence of the parliament (Article 150 of the Constitution of Colombia, Article 80 of the Constitution of Finland, Article 32 of the Constitution of Chile), secondly, in cases where the parliament is unable to act expeditiously on the initiative of the government with parliamentary approval (Article 99 of the Constitution of Argentina, Article 62 of the Constitution of Brazil, Article 23 of the Constitution of Denmark) [8, p. 171.].

In France, Italy, and Spain, the delegated legislation belongs only to the government, and the competent legislative acts developed by it are promulgated by the head of state. According to Article 80 of the GFR Constitution, the competent legislative subjects include the Federal Government, federal ministers and provincial governments. In some cases, the consent of the Bundesrat is required [9].

According to the French Constitution, the government can issue competent legislative acts — ordinances. In doing so, the government asks parliament for permission to accept ordinances for a certain period of time. If parliament approves, it cannot be revoked later. Orders are accepted by the Cabinet of Ministers and the State Council gives its opinion. Interestingly, at the next stage, the ordinances must be signed by the president. In practice, the president may refuse to sign if the head of state and prime minister represent the interests of different political groups. Such acts are as indefinite as laws and may be amended or supplemented in the manner prescribed by law.

Any delegation of legislative authority expects the initiative of Parliament or the government. Despite the fact that the Constitution of Italy, Germany and Spain require parliamentary initiative to transfer its legislative powers, the question is what makes the parliament? It authorizes the transfer of part of the legislative authority (in the case of the government's proposals, as in France) or initiates this process by itself. The problem is to whom will come earlier awareness of the need of delegated legislation. However, this problem becomes a certain importance in France. Article 38 of the Constitution directly secured government initiative. If in Italy, Spain and Germany, the Parliament itself can initiate the process for delegation of legislative powers to sanction

or government for its proposal. In France it is only one way — the authorization request of the Government of the transfer of part of the legislative authority.

Typically, the legislative activity of the government is overseen by parliament. Competent legislative activity in foreign countries may be terminated in the following cases:

expiration of the term established by the authorized act (Italy, Spain, Portugal, France);

development of the text of the document issued by the government (Spain);
government resignation (Portugal);

dissolution of Parliament (Portugal);

abolition of delegated powers by parliament;

recognition of the act of delegating the legislative power of the parliament as unconstitutional.

The analysis of the legislation of foreign countries shows the following advantages of the competent legislative institution: exceptional flexibility, which facilitates changes in the current legislation; saving parliamentary time (Parliament approves the concept of a legal regulation on an issue and leaves all the work to executive authority. They develop the specific content of law); delegated legislations norms differ concreteness and do not require extra time to interpret due to the small percentage of ambiguous provisions; legislative powers delegated to experts in the appropriate field, possess a high level of professionalism and knowledge of local. Therefore, as a result of the adoption of laws by its executor, professionalism in lawmaking increases.

It is also necessary to note disadvantages of the Institute of delegated legislation: legislative powers are transferred to individuals who do not carry the political responsibility to the voters; expansion of powers of the administrative authorities and the strengthening of the bureaucratic structures carries an especially strong negative.

References:

1. Delegated legislation is law that is not passed by an Act of Parliament but by a government minister, a delegated person or an entity. Delegated legislation is used for a wide variety of purposes such as fixing the date on which an Act of Parliament will come into force; setting fees for a public service; or establishing the details of an Act of Parliament. Delegated legislation is dependent on its parent act, which prescribes its parameters and procedures.
2. This form of law is referred to as «delegated legislation», «secondary legislation», «subordinate legislation» or «legislative instruments». The last is

the statutorily-established term. This is law made by the executive government, by ministers and other executive office-holders, without parliamentary enactment.

3. State law of Germany: in 2 volumes: abbr. per. German — M., 1994. — P. 12.
4. Bobotov S. V. Introduction to the US legal system / S. V. Bobotov, I. Yu. Zhigachev. — M., 1997. — P. 25.
5. Friedman L. Introduction to American law / L. Friedman. — M., 1993. — P. 26.
6. «Delegated Legislation» (PDF). House of Commons Information Office. August 2011. pp. 3–4. Archived from the original (PDF) on 2021–10–16.
7. <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf>
8. T. A. Vasilieva Acts of delegated legislation as a source of public law of foreign countries. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences No. 1/2011. — p. 171
9. <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Возмещение убытков как форма гражданско-правовой ответственности

Афанасьева Наталья Константиновна, студент магистратуры
Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина)

В статье анализируются актуальные вопросы возмещения убытков, причинённых неисполнением обязательств по договору, призванный защитить и восстановить нарушенные права и интересы участников гражданско-правового оборота.

Ключевые слова: договор, гражданско-правовая ответственность, убытки, упущенная выгода

Как отмечают многие исследователи в области гражданского права, возмещение убытков — это универсальная форма гражданско-правовой ответственности, так как она может применяться во всех случаях [6, с.62]. Для установления особенностей доказывания по делам о возмещении убытков необходимо, прежде всего, определиться с сущностью самих убытков в отечественном гражданском праве. Различные авторы трактуются категорию убытков неоднозначно, так, например, некоторые вкладывают в данное понятие исключительно экономический смысл, понимая под убытками негативные имущественные последствия, выражающиеся в денежном эквиваленте. С. С. Алексеев указывал, что убытки — это денежное выражение и оценка того ущерба, который был причинён в результате неправомерных действий [1, с.156]. В. В. Васькин и Н. И. Овчинников также указывали на то, что признак денежного выражения является определяющим категории убытков.

Однако с точки зрения теории гражданского права понятие убытков несколько шире и должно рассматриваться как объект возмещения, как правовая категория, закреплённая нормами гражданского законодательства. Подтверждением этому могут послужить те формирования, которые использует законодатель в легальном определении категории убытков, а именно ука-

зание на то, что убытками могут выступать не только расходы, но и утрата имущества.

Легальную характеристику и раскрытие содержания понятия «убытки» можно найти сразу в нескольких положениях Гражданского кодекса Российской Федерации. Общим является положение, содержащееся в ст. 15 Гражданского кодекса РФ, согласно которому убытки — это расходы, которые возникают в связи с восстановлением нарушенного права, утратой или повреждением имущества, и неполученные доходы. В статьях 393 и 1064 Гражданского кодекса РФ конкретизируются признаки убытков, но данные там определения носят специальный характер, определяемый особенностями оснований возникновения обязательств по возмещению убытков [2, с.189].

Из содержания ст. 15 гражданского кодекса РФ вытекает двойственная сущность убытков в отечественном гражданском праве. Составляющими элементами категории убытков выступают реальный ущерб и упущенная выгода. Реальный ущерб представлен теми расходами, которые несет и будет нести потерпевшая сторона обязательств, для восстановления своих нарушенных прав или в связи с повреждением, уничтожением её имущества. В таком случае имущественное положение потерпевшей стороны ухудшается, а её имущественная сфера претерпевает уменьшение.

Второй составляющей убытков может выступать упущенная выгода. Под упущенной выгодой стоит понимать неполученные доходы. Такие доходы предполагаются, а именно существовала реальная возможность получения выгоды в том случае, если бы обязательства по договору были выполнены в надлежащем виде. Установление факта упущения выгоды и размера неполученных доходов представляется на практике более сложным процессом, требующим специальных способов доказывания. Вызвано это тем, что если при реальном ущербе налицо уменьшение имущественной сферы потерпевшей стороны, то при упущенной выгоде эта же имущественная сфера не претерпевает каких-либо изменений, а лишь предполагает возможность увеличения, которого не произошло в действительности [3, с.45]. Иногда процесс установления факта упущенной выгоды и её размеров производится на основании того, что нарушившая условия договора сторона получила доход в результате такого нарушения. По общему правилу, весь такой доход, являющийся результатом неисполнения обязательств по договору, будет рассматриваться как упущенная выгода потерпевшей стороны.

В юридической науке наличествует также классификация убытков на основе характера причинно-следственной связи между нарушениями условий дого-

вора или норм гражданского права и наступившими негативными имущественными последствиями. По данному критерию можно выделять прямые и косвенные убытки. Если с прямыми убытками все понятно, так как они являются непосредственным результатом гражданского правонарушения, то относительно косвенных убытков и их значения для гражданско-правовой ответственности не сложилось единой точки зрения. Некоторые авторы указывают, что косвенные убытки связаны с нарушением условий договора лишь посредственно, что обуславливает отсутствие необходимости их возмещения [4, с.149], другие авторы относят к категории косвенных убытков упущенную выгоду, что, как известно, должно подлежать возмещению со стороны правонарушителя [6, с. 64].

Кроме того, убытки подразделяются на основании того, в раках каких правоотношений они возникли. Убытки могут являться результатом нарушения условий и обязательств по договору, а могут возникать и во внедоговорных правоотношениях при причинении вреда. В последнем случае речь будет идти о деликтных обязательствах. В рамках настоящей статьи интерес представляет только первая группа убытков, которые являются результатом неисполнения обязательств по договору.

Таким образом, если убытки представлены относительно стабильной конструкцией, обычно выражающейся в денежном эквиваленте, то возмещение этих убытков — это динамичный процесс, содержание которого выражается в обязанности восстановить нарушенную имущественную сферу потерпевшего нарушителем условий договора. Возмещение убытков всегда носит имущественный характер, что выражается переходом имущества или имущественных прав от одного лица, причинителя вреда, к другому лицу, потерпевшему от нарушения договорных обязательств. Другими словами, возмещение убытков можно рассматривать как самостоятельное обязательственное правоотношение [7, с.88].

Однако возмещение убытков, причинённых неисполнением обязательств по договору, является формой гражданско-правовой ответственности, то есть фактически объективно существующим, формально определённым в законе институтом гражданского права. С такой позиции возмещение убытков следует рассматривать в некотором отрыве от воли участников договорных правоотношений [7, с. 88]. Все это свидетельствует о компенсационно-восстановительном, превентивном и штрафном характере института возмещения убытков. Другими словами, функции института возмещения убытков, причинённых неисполнением обязательств по договору, фактически совпадают с функциями гражданско-правовой ответственности.

Компенсационно-восстановительный характер возмещения убытков предполагает восстановление и приведение в нормальный, изначальный вид имущественной сферы потерпевшей стороны за счет средств нарушителя условий договора. Другими словами, восстановлению и возмещению подлежат именно те потери, которые явились результатом такого нарушения. Превентивный характер, в свою очередь, предполагает стимулирующие воздействие на непосредственного нарушителя (частная превенция) и всех других участников гражданского оборота (общая превенция) с целью недопущения совершения в дальнейшем правонарушений гражданско-правового характера. Превентивная функция возмещения убытков предполагает стимулирование добросовестного поведения участников договорных обязательств. В случае же нарушения норм гражданского права и условий договора на нарушителя возлагаются конкретные обязательства имущественного характера, в чем проявляется штрафной характер института возмещения убытков.

По общему правилу, в силу ст. ст. 15 и 393 Гражданского кодекса РФ, убытки возмещаются в полном объеме. Однако отклонения от данного правила могут содержаться как в законе, так и непосредственно в договоре. Учитывая то, что возмещение убытков направлено на восстановление имущественной сферы потерпевшей стороны, полный объем возмещения предполагает такое восстановление, в результате которого положение кредитора будет соответствовать предшествующему до нарушения его прав и интересов, либо с учетом тех упущенных доходов, которые потерпевшая сторона должна была получить при исполнении договорных обязательств контрагентом. В то же время закон предусматривает недопущение неосновательного обогащения потерпевшей стороны посредством возмещения её убытков. Другими словами, возмещение должно носить не только характер полноты, но и соразмерности причинённого вреда [5, с. 57].

Примером законодательного ограничения принципа возмещения убытков в полном объеме может послужить ст. 547 Гражданского кодекса, согласно которой при неисполнении условий договора энергосбережения возмещению подлежит только реальный ущерб, но не упущенная выгода. Более того, иногда допускается полное освобождение от обязательств по возмещению убытков, например, при исключительной неустойке. Как уже указывалось ранее, положения о конкретизации порядка и размеров возмещения убытков могут предусматриваться непосредственно в договоре, заключаемом между сторонами, то есть законоположения о возмещении убытков не носят императивного характера.

Таким образом, институт возмещения убытков фактически является формой гражданско-правовой ответственности, как указывала И. Н. Романова [4, с.149]. Однако не все цивилисты разделяют данную точку зрения. Некоторые исследователи указывают, что убытки — это, прежде всего, условие гражданско-правовой ответственности различных форм, например, неустойки, а возмещение убытков, в свою очередь, является самостоятельным внедоговорным обязательством, но не мерой юридической ответственности.

Заключение

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что убытки представлены относительно стабильной конструкцией, обычно выражающейся в денежном эквиваленте, а возмещение этих убытков — это динамичный процесс, содержание которого выражается в обязанности восстановить нарушенную имущественную сферу потерпевшего нарушителем условий договора. Возмещение убытков всегда носит имущественный характер, что выражается переходом имущества или имущественных прав от одного лица, причинителя вреда, к другому лицу, потерпевшему от нарушения договорных обязательств. Другими словами, возмещение убытков можно рассматривать как самостоятельное обязательственное правоотношение.

Убытки, согласно ст. 15 Гражданского кодекса РФ, — это расходы, которые возникают в связи с восстановлением нарушенного права, утратой или повреждением имущества, и неполученные доходы. Убытки, в данном случае, возникают у одной из сторон договорных правоотношений в результате неисполнения обязательств другой стороной договора. Основание возникновения обязательств по возмещению убытков, причинённых неисполнением обязательств по договору, будет выступать непосредственно факт нарушения условий договора. Такое нарушение в каком-то роде может рассматриваться как правонарушение гражданско-правового характера. Соответственно, условиями являются признаки, которым данное правонарушение отвечает. Учитывая это, возмещение причинённых убытков можно рассматривать в качестве самостоятельной формы гражданско-правовой ответственности.

Литература:

1. Алексеев С. С., Б. М., Гонгалов, Д. В., Мурзин. Гражданское право. — М.: Проспект, 214.
2. Иванова Е. В. Гражданское право. Общая часть. Учебник и практикум для вузов. — М.: Юрайт, 2019.

3. Кучерова О. Определение понятия «убытки» в гражданском праве // Арбитражный и гражданский процесс. — 2006. — № 10.
4. Романова И. Н. Категория убытков в гражданском праве и проблемы их доказывания. // Противоречия и тенденции развития современного Российского общества. — 2017. — № 8.
5. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. — М.: Статут, 2009.
6. Спивак И. А. Убытки как форма гражданско-правовой ответственности // Векторы реформирования гражданского законодательства. — 2012. — № 20.
7. Темникова Н. А., Васильева Т. А. Возмещение убытков как форма ответственности сторон за нарушение договора. // Сибирское юридическое обозрение. — 2016. — № 3 (32).

Цифровые права и электронные денежные средства как предмет договора займа

Беспалова Мария Владимировна, студент магистратуры
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Реформа гражданского законодательства 2018 года послужила отправной точкой существенных корректив правового регулирования большинства институтов гражданского права. Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в гражданский оборот было введено понятие цифровых прав. Данный объект общественных отношений не является новеллой гражданских обязательств, и до принятия вышеуказанного Закона не имел механизма правового регулирования, что, однако, не являлось препятствием для обращения цифровых прав в условиях рыночной экономики.

Понятие цифровых прав охватывает собой цифровые финансовые активы, цифровую валюту и иные цифровые права. Цифровые финансовые активы представляют собой денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения

(изменения) записей в информационные системы. В качестве цифровой валюты законодатель понимает совокупность электронных данных информационной системы, которая может быть принята в качестве средства платежа, но при этом не является расчетной единицей (национальной, иностранной, международной) [2].

В настоящее время цифровые права отнесены к объектам гражданского оборота в составе имущественных прав (обязательственных и иных прав), «содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» (статья 141.1 ГК РФ) [1]. Указанное обстоятельство порождает множественность точек зрения по поводу возможности заключения и исполнения договоров займа в отношении цифровых прав.

Согласно ограничительной позиции, цифровые права не могут выступать предметом займа, поскольку прямо не поименованы в статье 807 ГК РФ, содержащей закрытый перечень объектов договора займа, в который не включена даже категория имущественных прав, к которым причислены цифровые права. Кроме того, современные информационные технологии не исключают возможности идентификации каждого цифрового права (например, биткоина, иной криптовалюты), что автоматически свидетельствует о невозможности займа индивидуализированной вещи.

Сторонники расширительной точки зрения полагают, что цифровые права могут выступать предметом договора займа, вследствие отсутствия прямого запрета как в ГК РФ, так и в специальном законодательстве. При этом на заем цифровых прав должен распространяться режим займа вещей, определенных родовыми признаками. Теоретическая возможность индивидуализации каждой криптовалюты не должна являться препятствием для предоставления ее в долг, так как такая возможность присутствует для большинства объектов гражданских прав постольку, поскольку возможность отделения единичного экземпляра. До того момента пока единичные экземпляры отдельно не поименованы и составляют общую массу идентичных вещей такие моменты могут являться предметом займа.

Некоторые авторы отмечают также отсутствие оснований для признания договора займа криптовалюты недействительным, в силу того обстоятельства, что законодательство не содержит запрета или ограничения на какое-либо использование данного объекта гражданских прав. Следовательно, цифровые права могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому, в том числе, по заемному обязательству. Таким образом, при отсутствии в за-

коне конкретного регулирования заемных отношений по поводу цифровых прав возможно применения норм о займе безналичных денежных средств по аналогии закона [5].

При сравнительном анализе существа цифровых прав можно обнаружить некоторые сходства их как экономического явления с бездокументарными ценными бумагами. Однако применение аналогии закона в данном случае возможно лишь с оговорками, поскольку бездокументарные ценные бумаги помимо признания объектом гражданских прав, также подверглись детальной регламентации законодателем, в том числе как объект обязательственного права. Цифровые права, и в первую очередь, цифровая валюта в настоящее время находятся в статусе абстрактного объекта, который не признается законным средством платежа, однако, и прогнозируется к регламентации в будущем. Таким образом, на сегодняшний день запрет на заключение договора займа в отношении цифровых прав как родовых вещей не установлен. В свою очередь, отсутствие четкой правовой позиции законодателя существенно затрудняет данный процесс, в первую очередь, с точки зрения правоприменения.

Подобные проблемы применения аналогии закона возникают и при сравнении цифровых прав с электронными денежными средствами и сходными с ними знаками.

Федеральным законом «О национальной платежной системе» предусмотрена возможность использования при расчетах электронных денежных средств. Данный вид объектов гражданского оборота статусом законного платежного средства не обладает, что влечет за собой ограничение его оборотоспособности. Указанным законом установлен прямой запрет на заключение договора потребительского кредита (займа) электронных денежных средств между оператором электронных денежных средств и клиентом. Однако подобное ограничение отсутствует в отношении юридических лиц, что при расширительном толковании свидетельствует о теоретической возможности заключения и исполнения такого договора займа между юридическими лицами. В то же время в юридической литературе вопрос возможности заключения договора займа в отношении электронных денежных средств характеризуется множественностью мнений, вследствие различного толкования положений ГК РФ о займе и Федерального закона «О национальной платежной системе», а также отсутствия системного понимания порядка применения норм указанных нормативных актов [6].

Еще одним нематериальным объектом гражданских правоотношений и заемных, в том числе, являются, так называемые цифровые титульные права,

которые представляют собой виртуальные платежные средства в отдельных системах расчетов, используемые в сети Интернет [6]. Наиболее известным эмитентом таких титульных прав является платежная система Webmoney, выпускающая универсальные цифровые знаки, эквивалентные определенному количеству (объему) имущественных прав. Материалы судебной практики до настоящего времени не признавали титульные права предметом займа, вследствие чего отказывали субъектам заемных правоотношений в судебной защите прав на такие объекты. Судебная практика исходила из буквального толкования положений статьи 807 ГК РФ, которая не предусматривает передачи по договору займа аналогов, удостоверяющих имущественное право. Как отмечали судебные инстанции условные виртуальные единицы «не являются предметом материального мира, не существуют в физически осязаемой форме, не обладают признаками вещи, в том числе денег, ценных бумаг, не являются предметом гражданского оборота, а потому не могут выступать объектом гражданско-правового договора» [4]. Таким образом, поскольку отличия предмета договора займа титульных прав от установленного законом перечня являются существенными, требования, вытекающие из таких договоров займа, удовлетворению не подлежали. Поворотным моментом в разрешении указанной проблемы стала позиция Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), изложенная в определении от 01.06.2021 № 48-КГ21–3-К7 по делу № 2–5227/2019.

Согласно позиции ВС РФ, виртуальные денежные права, как «универсальный титульный знак в цифровом виде, единица исчисления количества (объема) имущественных прав, цена которого (условная сетевая стоимость) устанавливается и поддерживается их владельцами» [4], могут быть обеспечены судебной защитой. Указанное определение является прецедентным не только потому, что признает виртуальные платежные средства объектом гражданских правоотношений, но и тем, что устанавливает определенные критерии для такового признания. В частности, Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ указывает, что в случае, когда цифровые титульные знаки, поддающиеся переводу с установленную законом систему денежных единиц (национальную или иностранную) в соответствующем эквиваленте и при наличии определенного обеспечения, могут быть признаны объектом гражданского оборота. Как отмечает ВС РФ в отмененных им судебных актах отсутствовало указание, «на основании какой нормы действующего гражданского законодательства, основанного на принципе диспозитивности, отношения, связанные с уступкой права (требования) на титульный знак системы интернет-платежей, не могут быть защищены в рамках гражданского судопроизводства»

[4]. Исходя из данного вывода, можно предположить тенденцию расширительного толкования норм ГК РФ о предмете договора займа, что подразумевает возможность включения в категорию родовых вещей всего круга неурегулированных действующим законодательством экономических объектов общественных отношений.

Таким образом, в настоящий момент нельзя исключать возможность причисления цифровых и титульных прав к родовым вещам при заключении и исполнении договоров займа. Однако, отсутствие конкретного правового регулирования данных объектов гражданского оборота значительно затрудняет их использование, что является существенным препятствием совершенствования экономических процессов в условиях рыночной экономики.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Российская газета, № 238–239. — 08.12.1994.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 173. — 06.08.2020
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О национальной платежной системе» // Российская газета, № 139. — 30.06.2011.
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2021 № 48-КГ21–3-К7 по делу № 2–5227/2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2004696 (дата обращения: 21.12.2021).
5. Башкатов М. Л. Договор займа: Реформа положений ГК РФ. // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 21.12.2021).
6. Казаченок О. П. Несоответствие действующего законодательства потребностям информационного общества на примере договора займа электронных денежных средств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. N 10. С. 47–50.
7. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. С. 248.

Условия применения зачета в обязательствах

Игошин Сергей Евгеньевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В зачете, под условиями его применения в обязательственных правоотношениях, следует понимать такое состояние взаимных обязательств сторон, при котором становится возможно применение положений статьи 410 ГК РФ.

«Требование лица, заявляющего о зачете (компенсанта), должно отвечать трем условиям: 1) встречность; 2) однородность; 3) срочность (зрелость)» [1, с. 317].

В рамках сложившейся судебной практики ей были разработаны следующие определения, которые в данной работе будем использовать и мы:

Активное требование — требование лица, которое осуществляет зачет своим односторонним волеизъявлением;

Пассивное требование — требование, против которого зачитывается Активное требование.

«Встречность означает, что требование одного лица направлено против требования другого лица — адресата зачета (компенсанта)» [1, с. 317], именно тако по мнению С. В. Сарбаша следует определять встречность, при совершении зачета. Необходимость наличия указанного критерия является обязательной в силу природы зачета и если у одной стороны по отношению к другой не будет права требования, то и зачета быть не может. Именно наличие встречности во взаимоотношения сторон является экономической основой для совершения зачета.

В п.20 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее по тексту также — ВС РФ) № 6 от 11.06.2020 года, среди прочего указывается следующее: «Соблюдение критерия встречности требований для зачета согласно статье 410 ГК РФ предполагает, что кредитор по активному требованию является должником по требованию, против которого зачитывается активное требование». [2]

Указанное выше означает, что произвести зачет может только должник по требованию. Единственным исключением как мы понимаем, могут являться только случаи, которые напрямую предусмотрены в законе. Так в соответствии с п. 4 ст. 313 ГК РФ, если допускается исполнение обязательства за должника третьим лицом, последнее вправе зачесть против требования кредитора к должнику собственное требование к кредитору.

В размере наименьшего требования правоотношения по зачету, так сказать, плюсятся и минусуются в одну юридическую секунду, имущественная масса

заявителя и компенсатора, фактически остается неизменной, а требования в эту самую юридическую секунду прекращаются. По своей природе, совершение зачета имеет имущественный эффект аналогичный исполнению сторонами имеющих у них требований.

По мнению С. В. Сарбаша однородность говорит о том, что встречные требования сторон по обязательственному правоотношению одинаковы по своему объекту: «Таковыми являются вещи, определяемые родовыми признаками (например, пшеница того же сорта, нефтепродукты одной марки, руда одного сорта и т. п.), и деньги (денежные средства)» [1, с. 317].

Между тем, довольно продолжительное время, в цивилистической литературе также содержалось мнение о том, что данная позиция является усредненной, потому как в приведенном Сергеем Васильевичем примере признак однородности присваивается только на том основании, что требования, предъявляемые к зачету, являются однородными по своему объекту, и не уделяется внимания однородности оснований возникновения требований (обязательств). Таким образом, существует ряд противоборствующих доктрин, одна из которых отталкивается от однородности зачитываемых требований (в том числе по основанию образование таких требований) и их бесспорности, другая же говорит о том, что достаточно лишь совпадения требований по их предмету.

Авторы первой доктрины выражали мнение о том, что водораздел признака однородности следует проводить не только на основании анализа объекта зачитываемых требований. Так, например, при определении понятия «однородность требований» они задаются вопросом, являются ли требования по уплате денежных средств однородными, если одно из них возникло из договора об оказании услуг, а другое из договора купли-продажи недвижимости? Или, например, можно ли произвести зачет требований, одно из которых возникло из договора подряда, а другое из внедоговорного причинения убытков?

Иван Николаевич Трепицын, указывал: «...для зачета необходима однородность предметов или объектов обязательств... При однородности предметов являются безразличными и источники происхождения обязательств...» [3, с. 359].

В тоже время, М. В. Телюкина указывает следующее: «Однако, надо полагать, основания возникновения зачитываемых требований не имеют прямого отношения к вопросу о зачете, поскольку не влияют на характер самих требований» [4].

Мы также считаем необходимым отметить, что вопрос сложности квалификации однородности требований вставал еще во времена составления проекта отечественного Гражданского уложения. Высказывалась, например по-

зиция о том, что «основной задачей законодателя при формулировании правил о зачете является, во-первых, определение понятия однородности засчитываемых требований и, во-вторых, определение случаев недопустимости зачета. В остальном же практика не имеет каких-либо затруднений» [5, с. 1228].

Сторонниками доктрины о том, что в качестве основания для признания требований однородными, среди прочего, является и основание их возникновения стоит назвать Р. С. Бевзенко и Т. Р. Фахретдинова, ярким противником же, является А. В. Егоров, точку зрения которого поддерживаем и мы. По вопросу научного исследования данного вопроса также стоит отметить работу Е. Д. Антоновой, ее статья Анализ судебной практики по вопросу зачета неустойки против тела основного долга» вышла в ежемесячном журнале «Вестник экономического правосудия Российской Федерации» № 2 за 2019 год.

А. В. Егоров указывает: «Доктрина юридической однородности требований не находит поддержки в теории обязательственного права. Главное для зачитываемых требований — их предметная однородность (деньги против денег, пшеница против пшеницы и т. п.)». [6]

По данному вопросу впервые высказался еще Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее по тексту также — ВАС РФ), указав на следующее: «Статья 410 ГК РФ не требует, чтобы предъявляемое к зачету требование вытекало из того же обязательства или из обязательств одного вида» [7].

Такой же позиции на данный момент придерживается и ВС РФ, указывая: «В целях применения статьи 410 ГК РФ предметы активного и пассивного требований должны быть однородны, то есть стороны после осуществления зачета должны оказаться в том же положении, как если бы оба обязательства были прекращены исполнением. Статья 410 ГК РФ допускает в том числе зачет активного и пассивного требований, которые возникли из разных оснований. Критерий однородности соблюдается при зачете требования по уплате основного долга (например, покупной цены по договору купли-продажи) на требование об уплате неустойки, процентов или о возмещении убытков (например, в связи с просрочкой выполнения работ по договору подряда)» [2].

Как мы видим, в даче своих разъяснений ВАС РФ, в отличие от ВС РФ использовал более абстрактные формулировки. Ввиду чего они давали больше возможности судам использовать данное толкование в каждом конкретном случае по собственному усмотрению.

По нашему мнению, могут быть зачтены только те обязательства, которые имеют разную юридическую природу. В качестве примера требований, имеющих различную юридическую природу, и не подлежащих зачету можно

привести: обязанность по предоставлению кредита и требование по уплате долга.

Относительно срочности (зрелости) сразу следует оговориться о том, что должно быть соблюдено одно из следующих условий:

1. Срок исполнения требования должен наступить, либо
2. Они должны быть даны до востребования, либо
3. Совершены без указания срока.

Указанное, является справедливым только для Активного требования. Для Пассивного же требования имеются свои особенности. Так, наступление срока исполнения для Пассивного требования не является обязательным в том случае, если оно может быть исполнено досрочно. В связи с этим, встает вопрос о том, какие последствия возникают для сторон в случае, если заявление о зачете было совершено до наступления срока исполнения Пассивного требования и отсутствия оснований для его досрочного исполнения? По нашему мнению, зачет должен считаться состоявшимся в момент, когда требования стали способными к зачету по признаку зрелости — в момент, когда наступил срок исполнения Пассивного требования. К данному выводу мы приходим исходя из позиции ВАС РФ: «Обязательства считаются прекращенными зачетом с момента наступления срока исполнения того обязательства, срок исполнения которого наступил позднее». [7] Аналогичной позиции придерживается и ВС РФ, указывая: «Обязательства считаются прекращенными зачетом в размере наименьшего из них не с момента получения заявления о зачете соответствующей стороной, а с момента, в который обязательства стали способными к зачету...» [2].

Литература:

1. Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр частн. права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. — 2-е изд., стер. — М.: Статут, 2017.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.04.2021)
3. Трепицын И. Н. Гражданское право губерний Царства Польского и русское в связи с проектом Гражданского уложения. Общая часть обязательственного права, — Варшава: Типография Варшавского Учебного округа, 1914. — URL: <https://www.litres.ru/i-trepicyn/>

- grazhdanskoe-pravo-guberniy-carstva-polskogo-i-russkoe-v-svyazi-s-proektom-grazhdanskogo-ulozheniya-obschaya-chast-obyazatelstvennogo-prava/ — Текст: электронный. (дата обращения: 03.04.2021)
4. Прекращение гражданско-правовых обязательств путем зачета требований (Телюкина М. В.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.04.2021)
 5. Гражданское уложение. Проект высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения: (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии.) / сост. А. Л. Саатчиан, И. М. Тютрюмов. — Санкт-Петербург: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. Т. 1. — 1228 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=257297> (дата обращения: 01.04.2021). — ISBN 978-5-4475-1442-6. — Текст: электронный.
 6. Егоров А. В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N 7. С. 36–65. / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.04.2021)
 7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 N 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.04.2021)

Медиация и коррупция. Сестры или противницы?

Кашка Дмитрий Анатольевич, врач анестезиолог-реаниматолог, медицинский юрист, медиатор
ГБУЗ Ставропольского края «Ессентукская городская клиническая больница»

На сегодняшний день с целью уменьшения нагрузки на судей, сохранения конфиденциальности, увеличения скорости урегулирования конфликта, приближения к восстановительному правосудию, отчетливо определяется потребность более широкого внедрения в судопроизводство примирительных процедур, одной из которых является медиация. Добровольный досудебный порядок урегулирования споров при помощи процедуры медиации является наиболее быстрым и наименее затратным способом, который при этом обеспечи-

вает гораздо большую выполнимость достигнутых соглашений, по сравнению с судебным решением!

Ключевые слова: медиация, урегулирование конфликтов, досудебное и внесудебное урегулирование споров, взаимовыгодное урегулирование споров, коррупция, коррупционные деяния, противодействие коррупции? участник переговоров, должностное лицо, медиатор, коммерческий подкуп, процедура медиации, комната примирения, коррупция, спор, Арбитражный суд, общее покровительство, судебное решение, возможность урегулирования конфликта, дача взятки, помощь процедуры медиации, проведение процедуры медиации, решение проблемы, участие посредника, злоупотребление полномочиями, конфликт, соглашение, суд.

Действующий в России Федеральный Закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» достаточно полно регламентирует деятельность медиаторов, однако содержит ряд коллизий и пробелов в регламентации деятельности медиаторов в различных сферах повседневной жизни. Необходимо более широкое внедрение медиативных соглашений как методов урегулирования конфликтов между всеми участниками взаимоотношений в различных областях нашей жизни, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

Конфликтологический анализ действующего законодательства показывает предписание различных стратегий поведения в зависимости от того, кем является гражданин — получателем услуги или лицом, оказывающим эту услугу, и утверждает своего рода неравенство сторон. Так, например, в медицинском конфликте, врачу предписывается стратегия избегания конфликта, пациенту же стратегия конфронтации. Статья 6 Федерального Закона № 323 говорит о *приоритете интересов пациента при оказании медицинской помощи, с учетом рационального использования его времени, уважительного и гуманного отношения, соблюдения культурных и религиозных традиций, обеспечения комфортных условий пребывания пациентов совместно с родственниками в медицинских организациях, а также улучшении его эмоционального состояния*. Такие оценочные высказывания как «уважительное отношение», «деликатная форма», «улучшение эмоционального состояния» являются субъективными, а вкладываемые в них понятия могут видоизменяться при восприятии, что создает неоднозначность критериев оценки и предпосылки для развития конфликта. [3].

С каждым днем увеличивается количество исковых заявлений граждане обращаются за защитой своих прав в Роспотребнадзор, Росздравнадзор, проку-

ратуру, Следственный комитет, а ведь часто можно было избежать ненужных трат времени, нервов и значительных финансовых потерь всего лишь вовремя спросив, что именно не устраивает человека?

Задачей медиатора является организация переговоров таким образом, чтобы стороны акцентировали внимание на конструктивном разрешении ситуации, исходя из собственных истинных интересов. Участники спора столь вовлечены в конфликт, что говорят на разных языках и, зачастую, интерес пострадавшей стороны состоит вовсе не в наказании виновного, или выплате крупной денежной суммы, а в устранении проблемы возникшей в результате некачественной услуги. [4]

В настоящее время отмечается увеличение количества споров, вытекающих из оказания медицинских услуг, основными из которых являются споры, связанные с невыполнением договора на оказание медицинских услуг, выставлением счёта за услуги, которые пациенту не были оказаны, оказанием медицинской помощи ненадлежащего качества. Не всегда пациент является слабой и «пострадавшей» стороной. Передки случаи, когда из — за отсутствия грамотного документооборота, несвоевременного и небрежного заполнения медицинских документов, халатного отношения лечащих врачей к своим профессиональным обязанностям, а также невозможности доказать свою невиновность, медицинская организация и пациенты становятся участниками судебных разбирательств и объектами критики в средствах массовой информации, несут ощутимые финансовые и репутационные потери.

Коррупция (от лат. *corrumpere* «растлевать», лат. *corruptio* «подкуп, продажность; порча, разложение; растление») — термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам.

Характерным признаком коррупции является конфликт между действиями должностного лица и интересами его нанимателя либо конфликт между действиями выборного лица и интересами общества. Многие виды коррупции аналогичны мошенничеству, совершаемому должностным лицом, и относятся к категории преступлений против государственной власти.

Коррупции может быть подвержено любое должностное лицо, обладающее *дискреционной властью* в сфере распределения каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор и т. д.). Главным стимулом к кор-

рупции является возможность получения экономической прибыли, связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором — риск разоблачения и наказания [1].

Чтобы понимать, а собственно в каких коррупционных деяниях можно заподозрить медиатора, следует более подробно рассмотреть эти самые коррупционные деяния.

На сегодняшний день существует четкое определение понятия «коррупция», установленное законом. Определение понятия «коррупция» приведено в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Коррупцией считается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

К коррупционным деяниям относятся следующие преступления: — злоупотребление должностными полномочиями (статья 285 Уголовного кодекса Российской Федерации),

- превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ);
- получение взятки (статья 290 УК РФ)
- дача взятки (статья 291 УК РФ);
- злоупотребление полномочиями (статья 201 УК РФ);
- коммерческий подкуп (статья 204 УК РФ), а также иные деяния, попадающие под понятие «коррупция», указанное выше.

Основным коррупционным деянием является взятка. Взятка — это не только деньги, но и другие материальные и нематериальные ценности. Услуги, льготы, социальные выгоды — так называемый «блат», — полученные за осуществление или неосуществление должностным лицом своих полномочий, также относятся к взяткам.

Взяткой признается передача и получение материальных ценностей как за общее покровительство, так и за попустительство по службе. К общему покровительству по службе могут быть отнесены, в частности, действия, связанные с незаслуженным поощрением, внеочередным необоснованным

повышением в должности, совершением других действий, не вызываемых необходимостью. К попустительству по службе следует относить, например, неприятие должностным лицом мер за упущения или нарушения в служебной деятельности взяткодателя или представляемых им лиц, недобросовестное реагирование на его неправомерные действия.

Злоупотребление полномочиями

Злоупотребление — это использование коррупционером своего служебного положения вопреки интересам службы (организации) либо явно выходящие за пределы его полномочий, если такие действия (бездействие) совершены им из корыстной или иной личной заинтересованности и влекут существенное нарушение прав и законных интересов общества.

Должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, в таких случаях действует в пределах своих полномочий по формальным основаниям либо выходит за пределы имеющих у него полномочий. Это часто происходит вопреки интересам службы и организации.

Коммерческий подкуп

Схожим по своим признакам с составом таких преступлений, как дача взятки и получение взятки, является коммерческий подкуп, который также включен в понятие «коррупция».

Различие этих преступлений заключается в том, что при коммерческом подкупе получение материальных ценностей, а равно незаконное пользование услугами имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего (оказывающего), осуществляется лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В чем раскрывается антикоррупционный потенциал медиации? В том, что при выборе данной процедуры стороны не прибегают к обращению к должностным лицам и в судебные органы, а итоговый результат зависит только от волеизъявления сторон и не связан с возможностью повлиять на исход дела иными способами, в том числе, коррупционного характера.

В отдельных случаях стороны не желают обращаться за разрешением спора в суд, но и не могут достигнуть какой-либо договоренности путем переговоров. В этой ситуации есть возможность обратиться за помощью к третьему лицу, которое будет выполнять роль посредника. Примирительные процедуры с участием посредника могут быть самые разные, например:

- обращение к посреднику, который имеет авторитет и уважение в сфере деятельности спорящих сторон. Этот способ не так распространен в оте-

чественной практике, но в определенных ситуациях может быть эффективным. Например, если возник спор между двумя контрагентами, у которых общая сфера деятельности, то спорящие стороны могут обратиться к третьей стороне, также специализирующейся в этой сфере, для разрешения возникшего между ними конфликта. Естественно, что спор также должен быть связан со сферой деятельности, в которой третья сторона пользуется непререкаемым авторитетом, в том числе и у спорящих сторон. В этом случае мнение третьей стороны о том, как должен быть разрешен спор, поможет прекратить конфликт без обращения в суд;

- обращение к профессиональному посреднику, который специализируется на разрешении конфликтов между сторонами (медиатору). В отличие от предыдущего способа, в данном случае стороны обращаются к третьему лицу, которое не имеет никакого отношения к сфере деятельности спорящих сторон, но специализируется именно на разрешении конфликтных ситуаций. При этом спор разрешается путем использования особой процедуры медиации. Есть ограничение: к медиатору можно обратиться лишь в случае возникновения споров из гражданских, трудовых или семейных правоотношений, не затрагивающих права и интересы третьих лиц;
- обращение к эксперту или в экспертное учреждение с целью проведения независимой экспертизы. Этот способ можно использовать лишь в некоторых ситуациях, когда между сторонами возникают разногласия только по вопросу, который можно разрешить путем проведения экспертного исследования. Если помимо этого вопроса имеются разногласия и по иным вопросам, по которым проведение экспертизы невозможно, то эффективность данного способа значительно снижается.

Конкретную примирительную процедуру необходимо выбрать по соглашению всех спорящих сторон в зависимости от их финансовых, временных и других возможностей. В настоящее время в арбитражных судах появились комнаты примирения. В частности, такие комнаты открыты в Арбитражном суде г. Москвы, в Арбитражном суде Свердловской области, а также в некоторых других арбитражных судах. В комнатах переговоров стороны и другие участвующие в деле лица могут получить консультацию по вопросам медиации, ее преимуществ, возможностей урегулирования конфликта мирным путем. В комнатах примирения может быть непосредственно проведена процедура медиации на безвозмездной основе. При определенных условиях не ис-

ключена возможность оказания платных услуг медиаторов по соглашению сторон, но уже за рамками суда. Кроме того, комната примирения открыта и в тех случаях, когда сторонам в ходе объявленного судом перерыва необходимо провести переговоры наедине, не прибегая к помощи посредника-медиатора. [5]

Чтобы отделить медиацию от коррупции необходимо вообще понимать, зачем нужны медиаторы, в чем польза медиации в борьбе с коррупцией и донести это до законодателей. Борьба с коррупцией осложняется тем, что с коррупцией, зачастую, борются коррупционеры. То есть, решение вопроса о признании факта взятки, например, принимается тем, кто тоже их берет. Смысла в таком правосудии я не вижу. А население, понимая, как обстоят дела с коррупцией в правоохранительных органах и судебной системе, теряет к ним доверие, предпочитает не искать правды у тех, кто обязан за эту правду стоять.

Медиатор — третий, нейтральный, участник переговоров. Заинтересованный ни в чем ином, кроме решения спора, удовлетворяющего обе стороны конфликта. Благодаря медиаторам, количество звеньев-людей, задействованных в решении конфликтов, уменьшается, что существенно минимизирует риски коррупционного развития событий. Если две стороны решают конфликт с помощью медиатора, а не урегулируют в общем порядке, то взаимодействие с государственной властью сокращается, что снижает риск коррупционной составляющей. Существует мнение [2], что медиаторы намеренно затягивают процессы для того, чтобы вытащить из клиентов побольше денег и потом склонить их к тому, чтобы вообще отказаться от процедуры медиации — как говорится, берут измором. На самом деле это не так. Время, затраченное на решение проблемы, зависит только от самих сторон конфликта, ведь именно они, а не медиатор принимают решение! Непонятно, откуда берутся такие понятия, скорее всего, это последствия деятельности нечистых на руку юристов, называющих себя медиаторами. Они не только в этой области тянут время и деньги из клиентов. В любом споре задействованы, как минимум два участника, и именно они делают шаги по решению проблемы, профессиональный медиатор лишь способствует грамотному ходу дела, помогает участникам переговоров взглянуть на проблему с разных сторон, и не может влиять на установленные участниками переговоров сроки. Медиатор организует переговоры, помогает участникам переговоров определить свои истинные интересы и понять точку зрения другого участника переговоров, он направляет участников

переговоров к нахождению взаимовыгодного решения, но никогда не заставляет принимать решение.

Очень странным выглядит заявление о том, что медиаторами нарушается принцип конфиденциальности, поскольку при проведении процедуры медиации могут присутствовать посторонние лица, не участвующие в споре. Во время процедуры медиации действительно могут присутствовать посторонние лица, если участники переговоров считают это необходимым, но только по взаимному согласию участников переговоров. Медиация, напротив, позволяет сохранить конфиденциальность, поскольку, в отличие от судебного решения, ни в каких источниках массовой информации не размещаются сведения ни о факте проведения медиации, ни о предмете спора, и уж тем более о результатах переговоров и достигнутых соглашениях.

Теперь о том, что медиаторы сами, порой, способствуют возникновению коррупции. Проще говоря, предлагают решение вопроса с помощью взяток. Это абсолютно неверное утверждение, распространенное с целью запятнать репутацию людей, занимающихся серьезным делом и дорожащих своей репутацией. Тем более, что при успешной процедуре медиации стороны конфликта в суде не появляются вовсе. Зачем давать взятку кому-либо если только участники переговоров и медиатор задействованы в урегулировании спора? А если говорить о медиации конфликта, дошедшего до суда, так с таким же успехом можно обвинить в коррупции адвоката или любого сотрудника суда. Судья не направляет к конкретному медиатору, он лишь может сказать о возможности урегулирования конфликта с помощью медиации.

Не спорю, паршивые овцы есть в любом стаде, они-то и провоцируют недоверие к институту медиации. Их цель проста — заработать как можно больше, урвать сейчас, а репутация им не важна. Для того, чтобы не допускать в профессию откровенных мошенников, необходим учет и контроль со стороны надзорных органов. Такой же, например, как за адвокатами.

Некоторые представители юридического сообщества настаивают на исключении фразы о добровольном согласии медиатора на участие в процессе медиации из соглашения о проведении медиации. Согласие медиатора в продолжении процедуры медиации или прекращении этой процедуры, наравне со сторонами конфликта обеспечивает принцип добровольности процедуры медиации для всех, и медиатора в том числе. И что бы не творили участники переговоров, медиатор, если он подписал бумагу, должен покорно смотреть на это сквозь пальцы. Это нарушает и функцию медиации как таковую и во-

обще права человека, на мой взгляд. Медиатор имеет право отказаться от проведения процедуры медиации если считает ее проведение бесперспективным, если он видит, что стороны не собираются заниматься решением вопроса, а пришли с другой целью.

Подводя итог можно сказать о том, что медиация в Российской Федерации нужна обществу, ее следует развивать как перспективное направление, однако в нашей стране медиация до сих пор находится на начальном этапе своего развития и нуждается в государственной поддержке и продвижении, поддержке со стороны судебной власти, популяризации роли медиации с размещением информации в судах и на сайтах судов, а включение медиативной оговорки в договор об оказании платных услуг позволит более широко применять медиативное соглашение в качестве альтернативы судебным тяжбам, удовлетворяя потребностям всех заинтересованных сторон.

Дополню конкретными предложениями к законодателям:

- включать в договор об оказании платных услуг медиативную оговорку (пункт о решении разногласий при помощи процедуры медиации, и только в случае её неуспешности обращение в суд);
- обязательное досудебное урегулирование споров в здравоохранении, трудовых, семейных конфликтах, как предусмотрено в большинстве стран Европы и США;
- в законе по альтернативному урегулированию споров необходимо внести нормы о свободном выборе медиаторов;
- целесообразно иметь единый реестр медиаторов;
- закрепить ответственность за нарушение принципов медиации.

Литература:

1. Википедия (wikipedia.org) (Дата обращения 21.12.2021г)
2. Вышкварцев В. В. // Учреждение судебной экспертизы «Центр специальных исследований и экспертиз» (Дата обращения 21.12.2021г) URL: https://www.psy-expert.ru/mediacija_i_korrupcij/
3. Кашка, Д. А. Конфликтогенность законодательства в сфере здравоохранения и медиация как способ урегулирования этих споров / Д. А. Кашка. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. — 2021. — № 9 (33). — С. 59–62. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/210/6884/> (дата обращения: 20.12.2021);

4. Кашка, Д.А. Причины конфликтов в медицине и перспективы медиации для их взаимовыгодного урегулирования / Д.А. Кашка. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 49 (391). — С. 318–320. — URL: <https://moluch.ru/archive/391/86135/> (дата обращения: 20.12.2021);
5. «Юрист компании» 05.02.2016 (Дата обращения 21.12.2021г) URL: <https://www.law.ru/question/39683-antikorrupsionnyy-potentsial-mediatsii>

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Проблемы подбора, оценки и приема работников на работу в организации

Горожанкина Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;
Жукова Алиса Дмитриевна, студент магистратуры
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Новосибирск)

В статье автор анализирует проблемы подбора, оценки и приема работников на работу в организации.

Ключевые слова: *проблемы подбора работников, прием работников, оценка работников, Трудовой кодекс РФ, деловые качества кандидата, трудовой договор.*

Подбор, оценка и прием работников на работу в любой организации играет очень важную роль, так как именно от этого зависит как быстро закроется вакансия и новый сотрудник приступит к своим должностным обязанностям минимизируя затраты фирмы на поиски нового кандидата и издержки на поиск кандидатов.

Для того чтобы выявить потребности организации как в новых кадрах, так и в оценке и повышении уже работающих специалистов, организация должна постоянно проводить анализ трудовых ресурсов компании. Такой анализ способен показать не только для какого функционала необходимы новые работники, но и действительно ли нуждается организация в них или же возможно распределить обязанности между уже работающими сотрудниками.

Как пишут в своей научной статье А. Ю. Ануфриева и Е. Н. Пальчун: «Оптимальный результат работы по подбору — отбор необходимого числа кандидатов для назначения на конкретные должности, в полном объеме удовлетворяющих предъявляемым требованиям» [7]. Помимо чего необходимо обратить внимание на мнение Т.Д. Синявец и А.С. Могила, которые в своей

научной статье пишут о том, как «важно четко определить цели подбора, факторы, влияющие на эффективность его организации, выделить субъекты, участвующие в процессе подбора, и объекты, на которые нацелено воздействие, выстроить логическую последовательность действий по подбору персонала, а также оценить эффективность организации данной функции управления персоналом. Плохо организованный подбор персонала приводит ко многим нежелательным последствиям, в том числе к:

- высокой текучести кадров;
- плохому морально-психологическому климату;
- низкой трудовой дисциплине» [8].

Анализируя работы отечественных специалистов, можно выделить одной из главных проблем при подборе, оценке и приеме работников на работу в организации компетентность специалиста, осуществляющего подбор, оценку и прием кандидатов. К сожалению, сегодня не все организации имеют в своем штате профессионального кадровика, а значит, организациям или приходится нанимать опытного эйчара и, таким образом, увеличивать расходы на поиск вакантной должности, или же доверять столь ответственное решение сотруднику, который не является специалистом, а значит, руководствуется только свои опытом и интуицией, что может привести к найму не подходящего кандидата. Объективно, опытный менеджер кадровой службы намного ценнее обычного линейного руководителя, выполняющего подбор кадров, так как опытный эйчар объективен, не приклонен, не подвержен эмоциям при собеседовании, а также имеет конкретное представление о вакантной должности, поэтому видит и готов рассказать все плюсы и минусы как для кандидата, так и для работодателя [8].

Отсюда вытекает следующая проблема при подборе, оценке и приеме работников на работу организации — отсутствие фиксированных требований к компетенциям и качествам кандидата. Да, в ст. 64 ТК РФ даются лишь общие очертания понятия «деловые качества», без конкретизации, однако разъяснение приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»: «Под деловыми качествами работника следует понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли)»

[5]. Поэтому, считаю обязательным разработать и использовать каждой организации квалификационную карту и карту компетенций или профиль должности либо портрет «идеального» кандидата (Рисунок 1).

Рис. 1. Профиль должности

Поскольку профиль должности складывается из квалификационной карты и карты компетенций, которые имеют свои недостатки по отдельности (для квалификационной карты — то, что она состоит из формальных характеристик, в ней недостает информации для исследования личностных черт и потенциала кандидатов, в то время как для карты компетенций — знания, навыки, способности, характеристики, необходимые для эффективного выполнения работником определенной работы) это значит, что только в симбиозе квалификационная карта и карта компетенций способны дать наивысший результат, так как каждый из них имеет собственное функциональное назначение.

И, конечно, наиболее главной проблемой при подборе, оценке и приеме работников на работу в организации считаю установку работодателем любых процедур, необходимых, с его точки зрения, для проверки деловых качеств кандидата. Конечно, некоторые из таких процедур урегулированы трудовым

или административным законодательством, другие, за отсутствием специального правового регулирования, должны соответствовать лишь общим правовым требованиям. К таким требованиям можно отнести:

- запрещение дискриминации в сфере труда (ст. 3 ТК РФ);
- гарантии при заключении трудового договора (в частности, запрет необоснованного отказа в заключении трудового договора), закрепленные в ст. 64 ТК РФ;
- правоограничения при заключении трудового договора [2].

В ТК РФ определено общее понятие дискриминации в сфере труда. Согласно ст. 3 ТК РФ: «Каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества независимо от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, политических убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника» [2]. Перечень дискриминационных оснований является открытым.

Необходимо подчеркнуть, что установленные трудовым законодательством правоограничения и режимы благоприятствования в отношении трудоустройства отдельных категорий граждан, исходя из смысла Конвенции МОТ № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий», дискриминацией не признаются, поскольку, согласно ч. 2 ст. 1 указанной Конвенции: «Любое различие, недопущение или предпочтение в отношении определенной работы, основанной на специфических требованиях таковой, не считается дискриминацией» [6].

В ст. 64 ТК РФ определено правило о запрещении необоснованного отказа в заключении трудового договора: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами» [2].

Также стоит отметить, что сегодня при приеме на работу, работодатель все чаще нарушает законы, связанные с защитой персональных данных и информации, информационных технологиях и о защите информации, а иногда даже

и Конституцию Российской Федерации. Если мы говорим о Конституции РФ, то можем увидеть, что в ст. 24 говорится о том, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» [1]. Однако, практически все работодатели интересуются семейным положением кандидата, наличием или же отсутствием детей, адресом проживания, а иногда и вообще требуют предоставить на собеседовании паспортные данные, что по факту вообще не относится к личным или деловым качествам кандидата, а значит не может влиять на решения эйчара.

Анализ Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ позволяет сделать вывод о том, какую информацию считать конфиденциальной, а какую — общедоступной, когда и как можно ограничивать доступ к информации, как происходит обмен данными. Также п.7 ст. 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» защищает «неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия». [3]

Также стоит отметить, организации, которые ведут базу кандидатов или сотрудников обязаны соблюдать ст. 2 Федерального закона «О персональных данных» целью которого «является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну», а также согласно п.1 и п.2 ст. 6 данного закона: «Обработка персональных данных допускается в следующих случаях:

1) обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных;

2) обработка персональных данных необходима для достижения целей, предусмотренных международным договором Российской Федерации или законом, для осуществления и выполнения возложенных законодательством Российской Федерации на оператора функций, полномочий и обязанностей» [4]. Поэтому, если работодатель все же получит согласие на хранение и обработку персональных данных, он обязан выполнять условия п.1 ст. 19 настоящего закона: «Оператор при обработке персональных данных обязан принимать необходимые правовые, организационные и технические меры или обеспечивать их принятие для защиты персональных данных от неправомерного или случайного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления, распространения персональных данных, а также от иных неправомерных действий в отношении персональных данных» [4].

В заключении необходимо отметить, несмотря на то, что к проблемам подбора, оценки и приема работников на работу часто работодатели относятся не совсем серьезно, главной проблемой считается не достаточное правовое регулирование подбора, оценки и приема работников на работу, а также нарушение законодательства Российской Федерации при собеседованиях и приеме на работу в организацию.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.07.2020, — N 31, — ст. 4412.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // Москва: Проспект, 2021. — 352 с.
3. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) // Москва: Эксмо, 2021. — 96 с.
4. «О персональных данных»: федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Москва: Эксмо, 2021. — 32 с.
5. «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) // Москва: Проспект, 2021. — 736 с.
6. «Относительно дискриминации в области труда и занятий» Конвенция N 111 Международной организации труда “(принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Москва: Дело и сервис, 2021. — 736 с.
7. Ануфриева А. Ю., Пальчун Е. Н. Анализ методов работы с персоналом по защите конфиденциальной информации в органах государственной власти, государственных учреждениях и на предприятиях // Известия ТулГУ. Технические науки. 2013. — № 3. — с. 351–361.
8. Синявец Т. Д., Могила А. С. Совершенствование организации подбора персонала // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2006. — № 4. — с. 87–91.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Заведомо ложные показания как преступление против правосудия: актуальные проблемы квалификации

Барехова Екатерина Сергеевна, студент;

Пикин Иван Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В статье рассмотрены проблемы, возникающие в процессе расследования уголовного дела при заведомо ложном доносе. В рамках проведенного исследования выявлены проблемы и предложены пути их решения.

Ключевые слова: преступление, заведомо ложные показания.

The article deals with the problems that arise in the course of the investigation of a criminal case with a deliberately false denunciation. As part of the study, problems were identified and ways to solve them were proposed.

Key words: crime, knowingly false testimony.

В настоящее время все большего внимания заслуживает статья 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ): заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод [3].

Общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РФ состоит, во-первых, в том, что они посягают на нормальную деятельность органов правосудия, препятствуют установлению истины по уголовному делу, препятствуют защите и восстановлению нарушенных прав потерпевшей стороны, во-вторых, заведомо ложные показания могут повлечь за собой осуждение невиновного лица, необоснованные имущественные потери граждан и организаций, которые могут привести к иному исходу уголовного дела, и, как следствие, вынесению неправомерного решения судьей.

Заведомость такого преступления, как заведомо ложные показания характеризуется двумя основными признаками: лицо осознает намеренное искажение

истинной информации и лицо осознает общественную опасность сообщения ложной информации в компетентные органы.

Таким образом, заведомо ложные показания представляют собой полное или частичное искажение сведений, имеющих значение для разрешения уголовного дела по существу.

Говоря об уголовно-правовой характеристике такого преступления как заведомо ложные показания, следует отметить, что основным объектом здесь выступают интересы правосудия, а дополнительным могут являться законные интересы личности.

Дополняя вышесказанное, необходимо отметить, что общественная опасность рассматриваемого преступления заключается, в том числе, в подрыве авторитета правоохранительных органов, органов следствия, дознания, суда и других, а также в ущемлении прав и законных интересов отдельно взятых лиц.

Субъект рассматриваемого преступления имеет наряду с общими признаками, таким как достижение возраста уголовной ответственности — 16 лет, имеет специальные признаки, а именно: только свидетель, потерпевший, эксперт, специалист и переводчик могут быть привлечены по данной категории дел, так как являются участниками уголовного процесса (конкретного уголовного дела).

Согласно мнению ученых-правоведов рассматриваемая статья 307 УК РФ включает в себя два основных аспекта:

- показания лица первоначально не соответствуют действительности, и оно умышленно, заведомо зная об этом, дает незаконные показания в орган, уполномоченный возбуждать уголовные дела;
- лицо умышленно умалчивает об известных ему дополнительных сведениях в отношении конкретного возбужденного уголовного дела.

Помимо сказанного, существует ряд авторов, отрицающих эту теорию, такие как А. Т. Гужин, И. С. Власов, И. С. Ной. По мнению поименованных авторов, умалчивание информации выступает разновидностью отказа от дачи показаний (ст. 308 УК РФ) [8].

Также Е. Худяков считает, что самому факту умалчивания информации не присущи признаки ложного показания, только если такое сокрытие информации не приводит к дальнейшему искажению сообщенной информации. В последнем случае действия лица будут прямо подпадать под состав ст. 307 УК РФ [7].

На сегодняшний день в рассматриваемой сфере преступлений имеется множество проблем и противоречий, например излишняя мягкость санкций за ука-

занные преступления против правосудия при одновременной сложности в разграничении умышленных действий от неумышленных действий. Необходимо отметить, что от результатов указанных действий зависит исход уголовного дела.

По нашему мнению, некоторые из указанных наказаний в рассматриваемой статье не могут обеспечить целей уголовного наказания.

Так, увеличение часов обязательных, принудительных и исправительных работ, положительно повлияло бы на количество совершаемых в настоящее время заведомо ложных доносов.

Также дополнительным вариантом решения указанных выше проблем будет введение обязательного полиграфа при проведении опроса свидетелей, где обязательным будет вопрос об искажении, сокрытии информации для органов следствия и дознания, имеющей значение для правильного разрешения дела по существу.

Определенно, в настоящее время полиграф не является безусловной гарантией достоверности, однако, данная процедура может эмоционально подтолкнуть свидетеля сообщить утаиваемые сведения и, как следствие, повысить уровень раскрываемости такого рода преступлений.

Однако необходимо отметить, что в современных условиях по уголовному делу на свидетелей также зачастую оказывают давление со стороны, что вынуждает их сообщать ложные сведения компетентным органам. Решением поименованной проблемы может служить развитие института защиты свидетелей от посторонних давлений и угроз как по отношению к самим свидетелям, так и членам их семей.

При этом важно понимать, что имеющиеся недостатки действующего законодательства заслуживают большего внимания и разработки, а также детального изучения и толкования со стороны государства, поскольку, несмотря на отнесение указанных статей к преступлениям против правосудия, они затрагивают также и сферы личных интересов гражданина, чести и свободы человека. Тогда как согласно статье второй Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. А признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства [1].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Режим доступа: Официальный

- интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 10.11.2021
2. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Российская юстиция. № 11. 1995.
 3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. № 25, ст. 2954.
 4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
 5. Голубов И. И. Вопросы квалификации дачи заведомо ложных показаний // Российский следователь. — 2011. — № 10. — С. 11–14.
 6. Дубинин Л. Г. Мотивы заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего // Российский следователь. — 2012. — № 16. — С. 40–42.
 7. Худяков Е. Уголовная ответственность за лжесвидетельство / Е. Худяков // Советская юстиция. — 1970. — № 14. — С. 21–22
 8. Мальшев Я. В. Лжесвидетельство: некоторые аспекты уголовно-правовой ответственности [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Киберленинка». Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lzhesvidetelstvo-nekotorye-aspekty-ugolovno-pravovoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 10.11.2021)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Современные тенденции в конституционно-правовой политике защиты интеллектуальной собственности за рубежом

Хариков Сергей Викторович, руководитель
ООО «Центр независимой экспертизы Транзит» (г. Александров)

В научной работе рассмотрена международная основа защиты интеллектуальной собственности за рубежом. Изучены существующие современные тенденции в конституционно-правовой политике защиты интеллектуальной собственности. Выявлены общие международные тенденции, действующие в конституционно-правовой политике для защиты объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальное право, гражданское право, защита авторских прав.

Current trends in the constitutional and legal policy of intellectual property protection abroad

Kharikov Sergey Viktorovich, Master of Law, director
LLC «Center for Independent Expertise Transit» (Alexandrov)

The scientific work considers the international basis for the protection of intellectual property in foreign countries. The existing modern trends in the constitutional and legal policy of intellectual property protection in foreign countries are studied. The general international trends operating in the constitutional and legal policy for the protection of intellectual property objects are revealed.

Keywords: intellectual property, intellectual property law, civil law, copyright protection.

Тенденция взвешенного и системного подхода со стороны государств, для надлежащей правовой защиты авторов и объектов интеллектуальной собственности, имеет сегодня во многих странах схожую правовую основу.

Актуальность и научная значимость настоящего исследования обусловлена тем, что существующие правовые механизмы по защите объектов интеллектуальной собственности могут действовать на уровне отдельных стран и экономических союзов.

Научная новизна исследования заключается в формулировании и выделении основных тенденций развития, в сфере интеллектуальной собственности в зарубежных странах.

Среди примененных методов исследования необходимо отметить общенаучные методы исследования: методы логического анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Правовая основа, заложенная международными конвенциями, правилами, иными актами показывает свою эффективность [1]. Особо отметить и выделить можно такие зарубежные страны, как Франция, Япония, Германия, Китай, Великобритания, Испания, Соединённые Штаты Америки, Израиль. Выработанный правовой механизм оказывает важное влияние как внутри стран, так и на страны, с которыми имеются тесные экономические отношения.

Несомненно, одним из важных элементов в системе взаимоотношений является Европейский Союз. Это не только политический и экономический союз, но и очень важный элемент в системе глобальной мировой экономики. В законодательной базе Европейского Союза можно найти следующие положения, которые действуют в отношении защиты интеллектуальной собственности:

— Директива (ЕС) 2016/943 Европейского парламента и Совета от 08.06.2016 г. об охране нераскрытого ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны) от незаконного приобретения, использования и раскрытия [2];

— Директива 2014/26/EU Европейского парламента и Совета от 26.02.2014 г. о коллективном управлении авторским правом и смежными правами и много-территориальном лицензировании прав на музыкальные произведения для онлайн-использования на внутреннем рынке [3];

— Директива Европейского парламента и Совета ЕС № 2012/28/ЕС от 25.10.2012 г. об отдельных случаях легального использования произведений с неизвестной принадлежностью [4].

Если упоминать те законодательные акты, что принимались ранее, и которые действуют сегодня в ЕС на частичной или полноценной основе, то следует указать принятие «Директивы Европейского парламента и Совета Европейского

Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» № 2001/29/ЕС», где содержится следующее положение: «унификация законодательства в сфере авторского и смежных прав путем конкретизации правовых норм и обеспечения высокого уровня защиты интеллектуальной собственности обусловит масштабное инвестирование в творческую и инновационную деятельность, в том числе в расширение инфраструктуры, что приведет, в свою очередь, к росту и повышению конкурентоспособности европейского производства как в сферах обеспечения и информационных технологий, так и в широком спектре промышленного сектора. Указанные обстоятельства способствуют сохранению существующих рабочих мест, а также созданию новых».

Далее, в пункте 4 этого же документа можно найти тезис о том, что «предлагаемая гармонизация окажет содействие реализации четырех свобод внутреннего рынка» [5]. В данной связи можно говорить о важности выполнения 4 основных принципов Евросоюза: свободное передвижение товаров, услуг, работ и людей. В итоге получается, что защита интеллектуальной собственности с позиции права, в целом ряде европейских государств зависит от привлечения необходимых для развития данных государств инвестиционных средств.

Директивы ЕС по части защиты интеллектуальной собственности длительное время модернизировались в условиях постоянного ускорения интеграции европейских стран. Так, возникали законодательные акты в данной области [6]. В качестве примеров можно привести акты:

— Директива Совета Европейского Союза «О праве аренды, праве безвозмездного пользования и определенных правах, касающихся авторского права в сфере интеллектуальной собственности» № 92/100/ЕЕС от 1992 года [7];

— Директива Совета № 91/250/ЕЕС от 14.05.1991 г. «О правовой охране компьютерных программ» 1991 года [8];

— Директива № 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета «О правовой охране баз данных» 1996 года [9].

В конце 2015 г. принимается Постановление (ЕС) № 2015/2424 Европейского Парламента и Совета от 16 декабря 2015 года о внесении изменений в Постановление Совета (ЕС) № 207/2009 о торговой марке Сообщества и Постановление Комиссии (ЕС) № 2868/95 об осуществлении Постановления Совета (ЕС) № 40/94 о торговой марке Сообщества и отмене Постановления Комиссии (ЕС) № 2869/95 о сборах, подлежащих уплате Управлению по гармонизации на внутреннем рынке (Торговые марки и образцы), на основании

которого была начата масштабная реформа существовавших законодательных положений о товарных знаках [10].

Стремление модернизировать устаревшую систему взаимоотношений, действующих в отношении товарных знаков, приведение к единству национальных законов в области торговых марок в странах, входящих в Европейский Союз, отразилось в Директиве Европейского парламента и Совета (ЕС) № 2015/2436 от 16 декабря 2015 г. «О сближении законодательств государств-членов в отношении товарных знаков» [11].

В Федеральной Конституции Швейцарской конфедерации от 18.04.1999 г. (по состоянию на 01.01.2020 г.), согласно статьи 26 Конституции, гарантируется право на собственность [12]. Связь Конституции Швейцарской конфедерации с Федеральным законом от 18.12.1987 г. «О международном частном праве» (по состоянию на 01.02.2021 г.) имеет прочные правовые связи, регламентируя отношения Швейцарской конфедерации в сфере интеллектуальной собственности. В главе 8, статьи 109 Федерального закона Швейцарской конфедерации от 18.12.1987 г. «О международном частном праве» отражено, что споры в сфере интеллектуальной собственности рассматриваются швейцарским судом, либо по месту жительства ответчика в Швейцарии, либо при отсутствии у ответчика места жительства в Швейцарии, по месту истребования охраны. При рассмотрении споров в Швейцарии, связанных с правами на интеллектуальную собственность, следует учитывать, что согласно статьи 110 Федерального закона Швейцарской конфедерации от 18.12.1987 г. «О международном частном праве», при защите прав на интеллектуальную собственность, к правам интеллектуальной собственности применяется право государства, на территории которого испрашивается охрана. На основании статьи 111 Федерального закона Швейцарской конфедерации от 18.12.1987 г. «О международном частном праве», в Швейцарии зафиксирован правовой механизм, на основании которого признаются иностранные решения по делам, связанным с защитой прав в сфере интеллектуальной собственности [13].

Не отстывает в правовом поле и защите в области интеллектуальной собственности Китай, совершивший несомненный прорыв в вопросах регулирования и защиты интеллектуальной собственности после вступления страны в ряды Всемирной торговой организации [14]. Стране удалось в максимально короткие сроки внести правовые изменения и очень быстро адаптироваться к новым правовым условиям, включив в правовой механизм на национальном уровне лучший мировой опыт правовой практики.

При рассмотрении конституционно-правового регулирования Бельгии, можно увидеть, что Закон Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 года имеет гармоничную связь с Конституцией. На основании статьи 16 Конституции Бельгии, предусмотрена судебная защита собственности, а в соответствии с статьей 17 Конституции Бельгии, имущество не может быть конфисковано [15]. Учитывая, что Законом Бельгии «О Кодексе международного частного права» в соответствии с статьей 1 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» регулируются отношения в соответствии с Конституцией Бельгии. В соответствии со статьей 86 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права», бельгийские суды рассматривают иски, связанные с правами интеллектуальной собственности только если спор ограничен бельгийской территорией. При этом статья 93 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» определяет, что «права интеллектуальной собственности регулируются правом государства, на территории которого испрашивается охрана интеллектуальной собственности». Стоит отметить, что в законодательство Бельгии закреплено положение, что отношения в сфере интеллектуальной собственности регулируются в соответствии с международными конвенциями, действующими на территории Бельгии [16].

Если рассматривать Кодекс международного частного права Болгарии 2005 г., то можно увидеть ряд положений по части возникновения, регулирования, прекращения авторского и смежного прав в отношении интеллектуальной собственности [17].

В Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г. также применяется государственное регулирование в отношении собственности. Согласно статьи 20 Конституции Республики Польша, одной из основ экономического строя Польской Республики является частная собственность. В соответствии с ст. 21, Конституции Республики Польша, Польская Республика берет на себя обязанность по защите собственности и права на наследование собственности на территории Польской Республики. Анализируя ст. 64 Конституции Республики Польша, можно отметить, что в ней отражено право иметь собственность, а также иные имущественные права [18]. Стоит отметить, что в Законе Польши «О международном частном праве» 2011 г., присутствуют механизмы для защиты объектов интеллектуальной собственности [19]. Вступление Республики Польша в Европейский Союз существенно повлияло на правовое регулирование в стране, законы, регулирующие сферу интеллектуальной собственности, были изменены и дополнены в соответствии с правовыми нормами Европейского Союза. В соответствии с правовой позицией стран, входящих в Европейский

Союз, по обеспечению мер для приведения к единству национальных законов в области интеллектуальной собственности, в Республике Польша был принят Закон от 13 февраля 2020 г. «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс и некоторые другие акты», тем самым модернизируя устаревшую систему взаимоотношений, действующих в отношении объектов интеллектуальной собственности на территории Республики Польша [20].

Также следует обратить внимание на новый вектор развития конституционно-правового регулирования со стороны государств, в другом географическом регионе. Тенденция важности развития взаимоотношений, сферы интеллектуальной собственности в вопросах, связанных с информационными технологиями, отражена в поправках к «Закону об авторском праве», принятых в 2019 г. в Израиле. Правовая основа данной поправки возникла в связи с тем, что у общества возник запрос на структуризацию вопроса, связанного со спорами в современном обществе, «можно ли использовать фотографии из Интернета» [21].

С одной стороны, суть данной поправки предусматривает ряд существенных изменений, выраженных в послаблениях в вопросах, связанных с авторскими правами на произведения, у которых автор или группа авторов находятся в общем доступе, но обществу не известны, либо у объекта, связанного с авторскими правами, отсутствуют ограничения на использование авторских объектов без согласия со стороны владельцев. Теперь фактически каждый имеет право использовать произведение, в случае, если у объекта авторского права автор не обнаружен и на руках нет разрешения от автора на использование. При этом, тут же определены условия, при которых это возможно. Для коммерческого использования объекта авторского права поправка № 5 к «Закону об авторском праве» систематизирует и закрепляет более строгие требования и условия [22].

Схожая тенденция сложилась в странах Европейского Союза, так в 2019 г. Европарламент, после долгих споров и дискуссий принял очень обсуждаемые и неоднозначные поправки в законодательство Европейского Союза об авторских правах. Ранее, в 2009 г. была предпринята попытка властями Франции провести конституционно-правовую норму, смысл которой по замыслу законодателя сводился к контролю за скачиванием на свои компьютеры из глобальной сети продуктов, защищенных авторским правом. Со стороны регулятора были разосланы тысячи предупреждений, прошло множество судебных разбирательств и все без достижения желаемого результата. Из-за недостаточно подготовленной правовой базы, большого количества протестов со стороны жителей Франции, правовая норма была пересмотрена и отменена, при этом было

признано, что доступ к Интернету является основным правом человека. Опыт Франции не остался незамеченным, все ошибки и недочеты были заранее предусмотрены в новой редакции законодательства Европейского Союза. Согласно утвержденным поправкам 2019 г. крупные компании, связанные в своей деятельности с сетью Интернет, имеют обязательства перед законодательством Европейского Союза в обязательном порядке удалять со своих ресурсов контент, нарушающий авторские права. Естественно, в этих поправках описаны условия, механизмы реализации. Но тем не менее, данные изменения очень хорошо показывают основной вектор направления куда движется европейское общество и европейский законодатель [23].

Стоит отметить, что регулятор Европейского Союза не останавливает вектор развития, уже сейчас закреплено, что будет создана специальная комиссия, которая должна к 7 июня 2024 г. провести полный анализ данных по воздействию новых норм, отраженных статьей 17 Директивы (ЕС) 2019/790. При этом уже сейчас предусмотрен механизм по анализу и обработке данных, который впоследствии может оказать влияние на участников сферы интеллектуальной собственности по принятию новых директив, намеченных на краткосрочную и долгосрочную перспективу [24].

Следует отметить, что сейчас основное направление развития сегмента авторского права, показывает глобальное цифровое пространство. Становится очевидно, что на национальном уровне любого развитого государства обязательно должны быть предусмотрены актуальные законодательные положения, которые могут обеспечить эффективность правовых норм, гармонично регулируя защиту прав в отношении объектов интеллектуальной собственности. При всех происходящих тенденциях, в сфере авторского права регуляторы, законодатели на национальном, и на международном уровне, проводят постоянный контроль и анализ происходящих в современном обществе событий.

Таким образом, основные тенденции в сфере интеллектуальной собственности в зарубежных странах имеют устойчивый вектор развития, прочную правовую основу, тесно связанную с выполнением и контролем за исполнением международных правовых актов, действующих на территориях внутри государств в соответствии с правовыми позициями и отраженными в конституциях на национальном уровне.

На основании проведенного анализа следует отметить следующие выводы:

- происходящие в обществе изменения, связанные с вопросами защиты объектов интеллектуальных прав, оказывают очевидное влияние на модель правовых взаимоотношений между государством и обществом;

- основные правовые механизмы по развитию сферы интеллектуальной собственности, действующие на территории зарубежных стран закреплены надлежащим образом;
- в настоящее время направление развития в сфере интеллектуальной собственности представляет собой обеспечение комплексного подхода к принятию конституционно-правовых норм, нацеленных на защиту государством различных форм интеллектуальной собственности.

Литература:

1. Когда международное частное право пересекается с правом интеллектуальной собственности: руководство для судей // URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1053.pdf (дата обращения: 06.12.2021).
2. Директива (ЕС) 2016/943 Европейского парламента и Совета от 8 июня 2016 г. об охране нераскрытого ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны) от незаконного приобретения, использования и раскрытия. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/16435> (дата обращения: 10.12.2021).
3. Директива 2014/26/EU Европейского парламента и Совета от 26 февраля 2014 г. о коллективном управлении авторским правом и смежными правами и многотерриториальном лицензировании прав на музыкальные произведения для онлайн-использования на внутреннем рынке // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/14753> (дата обращения: 12.12.2021).
4. Директива Европейского парламента и Совета ЕС № 2012/28/ЕС от 25.10.2012 г. об отдельных случаях легального использования произведений с неизвестной принадлежностью (сиротских произведений) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/13043> (дата обращения: 12.12.2021).
5. Директива Европейского парламента и Совета ЕС № 2001/29/ЕС от 22.05.2001 г. о гармонизации отдельных аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1453> (дата обращения: 12.08.2021).
6. Европейский союз (ЕС) (223 док.) // URL: <https://wipo.int/wipolex/ru/profile.jsp?code=EU> (дата обращения: 10.12.2021).
7. Директива Совета ЕС № 92/100/ЕЕС от 19.11.1992 г. о праве аренды, праве безвозмездного пользования и определенных правах, касающихся

- авторского права в сфере интеллектуальной собственности // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1425> (дата обращения: 12.12.2021).
8. Директива №91/250/ЕЭС Совета Европейских Сообществ О правовой охране компьютерных программ // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1424> (дата обращения: 10.12.2021).
 9. Директива №96/9/ЕС Европейского парламента и Совета от 11.03.1996 г. о правовой охране баз данных // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1409> (дата обращения: 12.12.2021).
 10. Regulation (EU) No. 2015/2424 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 amending Council Regulation (EC) No. 207/2009 on the Community trade mark and Commission Regulation (EC) No. 2868/95 implementing Council Regulation (EC) No. 40/94 on the Community trade mark, and repealing Commission Regulation (EC) No. 2869/95 on the fees payable to the Office for Harmonization in the Internal Market (Trade Marks and Designs) // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/15948> (дата обращения: 15.12.2021).
 11. Директива Европейского парламента и Совета (ЕС) №2015/2436 от 16 декабря 2015 г. «О сближении законодательств государств-членов в отношении товарных знаков» (текст имеет отношение к ЕЭЗ) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/15947> (дата обращения: 12.12.2021).
 12. Federal Constitution of the Swiss Confederation of April 18, 1999 (Status as of 1 January 2020) // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/19981> (дата обращения: 14.12.2021).
 13. О международном частном праве: Федеральный закон Швейцария от 18.12.1987 г. (по состоянию на 01.02.2021) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/19995> (дата обращения: 12.12.2021).
 14. WTO | What is the WTO? — What we standfor // https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/what_stand_for_e.htm (дата обращения: 09.12.2021).
 15. The Coordinated Constitution of February 17, 1994 (updated on May 2, 2019) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/19398> (дата обращения: 16.12.2021).
 16. О Кодексе международного частного права: Закон Бельгия от 16 июля 2004 г. // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041801> (дата обращения: 10.12.2021).

17. Кодекс международного частного права Болгарии 2005 г. // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041701> (дата обращения: 12.12.2021).
18. Constitution of the Republic of Poland // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/17577> (дата обращения: 11.12.2021).
19. О международном частном праве: Закон Польша от 04.02. 2011 г. // URL: [https://pravo.hse.ru/data/2019/02/04/1205137962/Закон%20о%20МЧП%20Польши%202011%20\(рус.\)%20ред.2015.pdf](https://pravo.hse.ru/data/2019/02/04/1205137962/Закон%20о%20МЧП%20Польши%202011%20(рус.)%20ред.2015.pdf) (дата обращения: 12.12.2021).
20. Act of February 13, 2020, on Amendments to the Code of Civil Procedure and Some Other Acts // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/19919> (дата обращения: 11.12.2021).
21. Copyright Law (Amendment No. 5) 2019 // URL: https://main.knesset.gov.il/Activity/Legislation/Laws/Pages/LawBill.aspx?t=LawReshumot&lawit_emid=2022457 (дата обращения: 26.12.2021).
22. Об авторском праве: Закон Израиль от 2007 года (с изменениями от 28 июля 2011 года) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/11509> (дата обращения: 09.12.2021).
23. European Parliament approves new copyright rules for the internet // URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190321IPR32110/european-parliament-approves-new-copyright-rules-for-the-internet> (дата обращения: 10.12.2021).
24. Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 года об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/513598> (дата обращения: 09.12.2021).

Научное издание

Актуальные вопросы юридических наук

Выпускающий редактор Г.А. Кайнова
Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга
Оформление обложки Е.А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 04.01.2022. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3,0.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый». 420029,
г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.